

Правовой прогресс человечества и основные законы развития права*

§ 1. Три основные теории

В предыдущем мы познакомились с понятием права и видели, что по своему содержанию оно изменчиво, оно различно у разных лиц и народов и меняется с ходом истории. Сам собой встает вопрос: *в какую же сторону направлено изменение права, становится ли оно по своему содержанию с поступательным ходом истории лучше, совершеннее или, наоборот, с ходом истории оно становится хуже?* Этот вопрос равносителен вопросу: *улучшится ли в морально-правовом отношении человечество с ходом истории или нет? Есть ли морально-правовой прогресс человечества или таковой отсутствует?* Вопрос этот возник уже давно и получил множество ответов. Все эти ответы можно свести к трем основным решениям.

Теория морально-правового регресса

Одни мыслители утверждали, что никакого морально-правового прогресса человечества нет. *С поступательным ходом истории человечество не только не становится лучше в морально-правовом смысле, но, наоборот, становится хуже. Идеал морально-правового человека находится не впереди, а позади, на заре истории.*

**Сорокин Питирим
Александрович** —
русско-американский
социолог и культуролог, один
из основоположников теорий
социальной стратификации
и социальной мобильности

* Сорокин П. А.
Элементарный учебник
общей теории права в связи
с учением о государстве.
Ярославль, 1919. Гл. 11

Типичными примерами такого взгляда могут служить древние космогонии, в частности, библейская. В последней говорится, что вначале люди были чисты и невинны; как боги, они не знали ни добра, ни зла. Но потом появился искusstель, люди впали в грех и с тех пор испортились. На почве этих преданий некоторые церковные и светские мыслители, в противоположность теории Дарвина, построили свою, гласящую, что не человек произошел от обезьяны, а наоборот, обезьяна есть выродившийся человек.

Отрицая нравственно-правовой прогресс человечества, это течение тем самым отрицает и улучшение права с поступательным ходом истории.

Теория круговоротов

Второе решение поставленного вопроса гласит: *с поступательным ходом истории нет ни морально-правового прогресса, ни регресса, а есть «топтание на одном месте», прохождение определенного круга и возвращение к исходному положению.* Сопоразно с этим и эволюция права сводится к «шагу на месте». Право, подобно белке в колесе, пройдя определенный цикл изменений, снова возвращается к отправному пункту, снова начинает проходить прежний круг.

Эта теория, выраженная рядом мыслителей, чрезвычайно образно и ярко формулирована в той же Библии. «Род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки, — читаем мы в книге Екклезиаста. — Восходит солнце и заходит солнце и спешит к месту своему, где оно восходит. Что было, то и будет. Что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это но-

вое», но это было уже в веках, бывших прежде нас».

Теория нравственно-правового прогресса

Третий ответ на вопрос о морально-правовом улучшении человечества и прогрессе самого права решает его *положительно.* Он гласит, что *с поступательным ходом истории человечество в общем и целом (не без временных поворотов и задержек) совершенствуется в морально-правовом отношении, улучшается и право человечества.*

Эта точка зрения выражена весьма многими учеными нашего времени.

Таковы три основные решения поставленного вопроса.

Которое же из них истинно? Прежде всего приходится отбросить, как ложную, теорию круговоротов. Право изменяется, но в своем изменении оно не повторяет никаких циклов, наблюдение всей жизни человечества и истории права не дает никакого основания для теории круговоротов. Никакой народ и никакое право в своем изменении не повторяет раз пройденного круга. Остаются, следовательно, теория прогресса и теория регресса.

Для того, чтобы решить, которая из них правильна, необходимо, очевидно, предварительно условиться: что мы понимаем под лучшим и что под худшим; иными словами, необходимо установить *критерий морально-правового улучшения и морально-правового ухудшения (прогресса и регресса).*

Только установив такой критерий, можно говорить, улучшается право или нет. Если право в своем развитии приближается к такому критерию или идеалу, например, к заповеди: «любите друг

друга», то налицо будет правовой прогресс; если удаляется от состояния, указываемого этим идеальным критерием, налицо будет правовой регресс.

§ 2. Правовой идеал и критерии правового прогресса

Следовательно, так или иначе, этот критерий или идеал права должен быть установлен. Какое же общественное состояние, какая ценность, или какая основная норма может быть таким идеальным критерием? Является ли им такое общественное состояние, где люди ненавидят друг друга и борются между собою, или же, наоборот, таким критерием является общество людей, беззаветно любящих друг друга и готовых отдать «душу свою за други своя»? Является таким критерием принцип пользы общества или же принцип блага человеческой личности? Служит ли такой основной нормой — норма: «люби ближнего» или норма: «ненавидеть ближнего»? Должны ли нормы прав приближаться по содержанию к «заповедям блаженства» Христа или к заповедям Тимона Афинского¹, гласящим:

О, пусть во мне растет все выше, все сильнее,

С годами ненависть к породе всех людей!

Ты, девственность цветущая, ступай немедленно

В пристанища разврата! Дитя! Забудь родителей своих.

Матроны, развратитесь! Служители, воруйте у господ!

Как господа воруют по закону, и т.д.

В ответ на эти вопросы приходится сказать, что теоретически никакой иде-

ал не доказуем; теоретически в качестве правового идеала можно брать норму: «люби ближнего!» и «ненавидь ближнего!» То и другое будет теоретически одинаково «истинным».

Но теоретический критерий истинности неприменим к норме поведения и к правовому идеалу. Правовая норма отвечает не на вопрос: «какое поведение теоретически истинно или ложно», а на вопрос: «каким должно быть поведение, чтобы быть хорошим, справедливым поведением»? Иными словами, к идеалу правовой нормы применим не теоретический, а практический критерий, — критерий блага личности и блага общества, то есть всех других личностей.

Таким критерием исторический опыт человечества указывает критерий действительной любви людей друг к другу, то есть норму: «люби ближнего, помогай ему, будь солидарен с ним», а не норму: «ненавидь ближнего, причиняй ему зло» и т.д.

Мораль и право всех народов, всех времен прямо или косвенно, в различных терминах, хорошим и должным поведением по адресу «ближних» считали поведение, совпадающее с заповедью любви и солидарности, поведение, как выше было указано, полезное для группы, а не поведение, руководствующееся заветом ненависти к ближнему, причинения ему вреда, то есть поведение общественно-вредное. Дозволенными и должными актами, как мы видели, были акты общественно-полезные; недозволенными, преступными — акты социально-вредные. Таков практический опыт человечества и указываемый им критерий улучшения или ухудшения как самого права, так и морально-правового состояния человечества.

Тот же критерий диктуется и современной морально-правовой совестью человечества. С точки зрения этой совести идеальным обществом будет такое, где всестороннему развитию личности — умственному, нравственному и художественному — предоставлен полный простор, где интересы одной личности не противоречат интересам других, где человек для человека является богом, где люди действительно и самоотверженно любят и уважают друг друга, где они в своем поведении преследуют прежде всего и больше всего общее благо всех и преследуют не по принуждению, или по корысти, а по доброй воле, — в силу сознания чистого общественного долга. Нет сомнения, что такое, а не противоположное общество, построенное на взаимной грызне и борьбе, на унижении, ненависти одних к другим, является идеалом для современного правового сознания.

Сообразно со сказанным, идеалом права по содержанию является право, определяющее поведение и общественную организацию, соответствующую только что очерченному виду общества, основанного на взаимной любви и солидарности и построенного на принципе служения личности.

Такое право для краткости можно определить, как право взаимной солидарности и любви людей друг к другу, как право социально-благожелательного поведения. Такое право является правом, отданным на служение личности, ибо только в обществе, где люди друг с другом солидарны и во взаимных отношениях руководствуются заветами любви и взаимопомощи, возможны подлинная свобода, развитие и уважение личности. Только в таком обществе личность может быть «самоцелью», высшей ценностью. Во всяком другом обществе она неизбежно будет средством, «навозом», который бу-

дет попирается одними и приносится в жертву для тех или иных целей.

Только такое право будет правом по-настоящему полезным *всему обществу*, а не отдельной его части, ибо общество, где личности не солидарны и не проникнуты взаимной любовью друг к другу, неизбежно распадается на угнетенных и угнетаемых; сообразно с этим и право, полезное для одних, будет вредно для других, то есть оно не будет полезно *всему обществу*.

Наконец, только общество, обладающее правом взаимной солидарности и любви, может быть обществом, способствующим продуктивнейшему росту великих ценностей культуры: *Истины, Правды и Красоты*. Правда или добро здесь будет развиваться, ибо она лежит в основе организации такого общества. Истина для своего развития, в виде науки, требует той же взаимопомощи и солидарности, без которых она обречена на застой. Сокровищница знания — это плод опыта многих людей и поколений; чем большее число людей могут принять участие в научной работе, тем больше условий, благоприятных росту и накоплению знания. В таком обществе наибольшее число людей смогут посвятить себя служению Истине. То же следует сказать и о Красоте.

Говоря коротко, только право взаимной солидарности и любви является правом, осуществляющим заветы: *братства, равенства и свободы*.

Таков правовой идеал человечества, и таковым должно быть право идеального общества. Этим самым дается критерий для прогресса и регресса правового состояния человечества. *Если окажется, что поступательным ходом истории право и поведение людей все более и более*

приближаются к очерченному идеальному обществу, построенному на праве взаимной любви и солидарности, это будет означать прогресс и улучшение правового состояния человечества. Если, наоборот, с поступательным ходом истории поведение людей и право обществ удаляются от такого состояния общества и права, это будет свидетельством правового регресса человечества.

§ 3. Способы измерения роста и уменьшения человеческой солидарности («морально-правовой термометр»)

Указав искомый критерий, мы теперь должны были бы дать ответ на вопрос: существует ли правовой прогресс человечества. Однако предварительно мы должны решить еще один вопрос: какими объективными мерками мы можем определить, приближается ли правовое состояние человечества с ходом истории к указанному идеальному состоянию или удаляется от него? Где и в чем могут состоять объективные измерители роста или уменьшения солидарности и любви? В чем искать необходимый нам морально-правовой термометр?

Такого термометра в буквальном смысле нет. Но есть ряд способов, позволяющих объективно решать: приближается или удаляется правовое состояние человечества к очерченному идеалу права.

Таких способов несколько. Остановимся на главных.

Критерий интересов личности

1) Выше мы видели, что право идеального общества — это право, отданное на служение личности и интересам

ее развития. Верховной ценностью идеального общества является человеческая личность, ее благо и ее интересы. Отсюда следует вывод: если с поступательным ходом истории право все более и более раскрепощает личность, увеличивает ее свободу и ее основные права, все более и более ценит интересы ее развития, это будет первым доказательством правового прогресса человечества.

Критерий правового равенства личности

2) Из принципа «самоценности личности» следует принцип *правового и морального равенства личностей*. Только равноправные личности могут быть равноценными. Только равноценные личности могут быть самоценными. Отсюда вывод: если с поступательным ходом истории правовое и моральное равенство личностей возрастет, это будет вторым свидетельством правового прогресса человечества.

Критерий количественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения

3) Третьим критерием правового прогресса может быть *количественный рост альтруизма и солидарности*. Способом количественного изменения солидарно-альтруистической энергии является исчисление количества лиц, по адресу которых требуется правом альтруистически-солидарное поведение, то есть число лиц, по адресу которых не допускается совершение злостных и вредных для них поступков, с одной стороны, и интересы которых защищаются правом, с другой. Если мы имеем два одинаковых обще-

ства, из которых в первом социально-благожелательное поведение требуется только по адресу 100 человек, а во втором — по адресу 100 000 человек, то количественно любовь и солидарность во втором обществе будут в 1000 раз больше, чем в первом. Отсюда следует вывод: если с поступательным ходом истории окажется, что число лиц, по адресу которых требуется социально-благожелательное поведение, все более и более растет, то при прочих равных условиях это будет третьим доказательством правового прогресса человечества.

Критерий качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения

4) Наряду с количественным критерием солидарного и социально-благожелательного поведения для определения правового прогресса должен быть применен и *качественный критерий*, определяющий интенсивность и глубину социально-благожелательного поведения. Солидарность и общественно-любовное поведение по своей глубине имеют различные степени. Начинаясь от незначительных услуг, в роде уступки места соседу в трамвае или в вагоне, они доходят до актов самопожертвования ради блага общества или других людей. Эта качественная сторона дела, естественно, не может быть обойдена. *В применении к праву она может быть исследована по тому минимуму социально-благожелательного поведения, который требуется правом данного общества от его членов.* Если, например, право одного общества запрещает его членам только убийство, а не запрещает более мелких оскорблений и причинений вреда, то

при прочих равных условиях мы имеем основание думать, что качественная степень социально-благожелательного поведения в таком обществе еще низка, гораздо ниже, чем в обществе, в котором право защищает не только жизнь его членов, но и другие менее важные блага: телесную невредимость, честь, неприкосновенность личности, право индивида на свободу слова, печати, союзов, собраний, на свободу религиозных верований и т.д. Общество, в котором право требует от его членов воздержания от нарушения подобных прав личности, является обществом, в котором качественная степень социально-благожелательного поведения гораздо выше, чем в первом. Точно так же, если мы имеем общество, в котором право предписывает богачам уделять 1% своих доходов на общественные нужды и такое же общество, в котором право требует с богачей не 1%, а 65% дохода в пользу общества, то при прочих равных условиях второе общество мы должны считать более высоким по качественной степени социальной солидарности, требуемой от его членов.

Отсюда вывод: если мы увидим, что с ходом истории все более и более повышаются требования права, предъявляемые людям в отношении взаимно-благожелательного поведения, это будет четвертым доказательством правового прогресса человечества.

Критерий падения наказаний и наград

5) Пятым критерием изменения правового прогресса человечества может служить *падение наказаний* и наград, применяемых правом для принуждения членов общества к социально-

благожелательному и общественно-полезному поведению.

Этот признак может служить критерием правового прогресса по следующим соображениям.

Представим себе два одинаковых общества. Предположим, что ни в том, ни в другом члены его не убивают друг друга. Но в первом потому, что боятся наказаний — смертной казни, налагаемой на убийц, а во втором не убивают в силу чистого сознания долга: недопустимости убийства. При прочих равных условиях мы должны заключить, что социально-благожелательное поведение во втором обществе гораздо выше, чем в первом, ибо в первом люди не убивают друг друга только потому, что над ними висит угроза беспощадного наказания — тогда как во втором не убивают потому, что убийство по своей природе внушает отвращение, органически противное правовому сознанию его членов. Подобно тому, как из двух чиновников, не берущих взятки, морально выше тот, кто не берет их в силу сознания долга, а не из страха наказания, так и здесь, второе общество является более близким к правовому идеалу, чем первое.

Отсюда вывод: если с поступательным ходом истории окажется, что наказания и награды постепенно падают, без понижения минимума требований солидарно социально-полезного поведения, это будет пятым доказательством правового прогресса человечества.

Критерий качества тех средств, которыми добывается социально-благожелательное поведение

б) В связи с предыдущим критерием стоит другой признак, также могущий

быть показателем правового прогресса человечества. Этот признак заключается в изучении тех средств, которыми добывалось от людей социально-полезное поведение, добросовестное исполнение общественно-полезных обязанностей — в прошлом и теперь.

С морально-правовой точки зрения далеко не безразлично, в силу чего человек благожелательно относится к людям и добросовестно исполняет свои обязанности. Если один делает это из-за страха наказания, другой — из-за корысти и личного эгоизма, третий — из-за чистого сознания морально-правового долга, то степень морально-правовой воспитанности их далеко не одинакова. Наказанием можно заставить и тигра не бросаться на овцу, находящуюся в одной клетке с ним. Совершенно иначе обстоит дело тогда, когда человек не вредит другому не из страха наказания, не из корысти, а из чувства долга, из органической любви и уважения к сочеловекам.

Отсюда вывод: если мы увидим, что с поступательным ходом истории те средства, которыми люди побуждаются к социально-благожелательному поведению и к добросовестному исполнению общественно-полезных обязанностей, все более и более облагораживаются, становятся лучше, выше и менее грубыми, — это будет шестым доказательством правового прогресса человечества.

Таковы основные, объективные критерии, позволяющие судить о том, совершается ли с ходом истории правовой прогресс человечества или нет. Они в своей совокупности могут быть названы «морально-правовым термометром» человечества.

Указав их, теперь мы отвечаем на поставленный основной вопрос. Наш ответ гласит: морально-правовая история человечества в общем и целом является в то же время морально-правовым прогрессом. В исторических изменениях права, несмотря на временные остановки и повороты назад, даны некоторые постоянные тенденции линий направления, приближающие — в ходе истории — человечество к тому идеальному обществу, построенному на идеальном праве, которое было очерчено выше.

Доказательством тому, на основании указанных критериев, служат исторические законы:

- 1) закон освобождения личности;
- 2) закон роста правового равенства людей;
- 3) закон количественного роста солидарности и альтруизма;
- 4) закон качественного роста солидарного, общественно-благожелательного поведения;
- 5) закон падения наказаний и наград,
- 6) закон улучшения и облагораживания тех средств, которыми добывалось и добывается от людей социально-благожелательное поведение.

Перейдем к краткому доказательству каждого из этих законов.

§ 4. Исторический закон освобождения личности и роста ее ценности

Первым критерием правового прогресса является критерий раскрепощения и освобождения личности, роста ее неотъемлемых прав и свободы превращения ее средства в социальную высшую ценность, — в самоцель, интересы которой служат «мерой всех вещей»... На-

блюдается ли с ходом истории такой прогресс раскрепощения личностей? Ответ должен быть положительный.

Бесправное положение личности в прошлом

С поступательным ходом истории общественная ценность личности, несомненно, растет, как растет и ее раскрепощение. В древности ценность личности как таковой была ничтожной. Она поистине играла «роль пальца от ноги». Все внимание права было направлено на защиту интересов группы. Во имя этих интересов личность и ее интересы постоянно приносились в жертву. О правах личности здесь не могло быть и речи: место их занимали права и интересы общества. Если во имя этих интересов нужно было пожертвовать личностью, — это делалось.

Личность сама по себе здесь не имела цены: она ценилась только поскольку, постольку она была членом того или иного рода, тотэма или касты.

Потеряв связь со своей группой или будучи выкинута из нее, она становилась абсолютно бесправной, незащищенной и «вне закона». Такую личность всякий совершенно безнаказанно мог убить; она в этом случае отождествлялась с голодным и хищным волком.

Во имя интересов общества — рода, тотэма, касты и религии — личность здесь могли безнаказанно убить (убийство стариков, детей и женщин, в первобытных обществах), продать в рабство (право родителей и старших отдавать в рабство детей и членов общества — обычный факт в древних обществах), украсть, похитить, изнасиловать, короче, лишить всех прав вплоть до права на жизнь. Само понятие прав личности

и ее интересов было чуждо первобытному правовому сознанию. Не было здесь и самого понятия индивидуальности, личности: члены первобытных групп по своему поведению, нравам, мировоззрению тождественны друг с другом. В силу этого здесь и речи быть не может о свободе умственного, нравственного и всякого другого развития личности. Личность здесь должна была верить так, как верят все; за иные верования она беспощадно каралась: она должна была вести себя, думать и делать то и так, что и как делали, вели себя и думали все. Уклонения от нормы карались и подавлялись.

Сообразно с этим она не имела никакой свободы и была поставлена под ряд опеки. По отношению к групповой власти она была совершенно бесправна. Власть имела право приказывать, личность обязана была повиноваться.

Короче, личность в древности была социальным нулем, рабом группы — рода, тотэма, касты, церкви, власти и т.д.

С поступательным ходом истории положение постепенно меняется; личность из бесправного раба становится полноправным господином; из социальной единицы, не имеющей ценности, она становится основной и главной общественной ценностью; из безличной единицы она превращается в яркую индивидуальность; из опекаемой овцы она становится свободным гражданином и т.д. Таковы вкратце исторические судьбы личности.

Проявлением их служат:

- 1) закон индивидуализации личности;
- 2) закон освобождения личности от опеки власти, от пут и опеки всяких других социальных групп;
- 3) закон роста ее неотъемлемых прав;
- 4) превращение ее в самоцель, по отношению к которой все является средством.

Закон индивидуализации личности

Сущность этого явления заключается в том, что с ходом истории и с развитием культуры личность все более и более индивидуализируется, люди по своим воззрениям, верованиям, вкусам, талантам, образу жизни и т.д. становятся более и более отличными друг от друга. Если в первобытных обществах человеческие единицы были похожи одна на другую как солдаты в строю и вели себя подобно последним, совершенно одинаково, то в современных обществах личности по своей индивидуальности резко отличаются друг от друга. Х не похож на У. У — на Z. И в воззрениях, и в верованиях, и во вкусах, и в обычаях, и во всей жизни — личности теперь резко индивидуальны. Эта склонность к индивидуализации доходит нередко до чудачеств и искусственного «оригинальничания». Если в прошлом каждый член общества был и стремился быть похожим на других, то теперь, напротив, общей является тенденция к «индивидуализации», к оригинальности, временами — к чудачеству.

Сообразно с этим изменилось и положение личности. Если раньше она ценилась только постольку, поскольку была членом группы, то теперь она ценится как индивидуальность, как личность, независимо от каких бы то ни было связей с группой или с государством. Больше того, в современной общественной жизни есть тенденция тем выше ценить личность, чем она индивидуальнее.

Формула эволюции Г. Спенсера

Данный закон индивидуализации личности есть частное проявление более общего закона эволюции, сформулиро-

ванного Г. Спенсером. Согласно этому закону, *всякая эволюция выражается в росте дифференциации развивающегося тела сопровождаемой ростом интеграции или сплочения дифференцировавшихся, выделившихся частей и переходом от однородного, бессвязного состояния в состояние связанное и разнородное.*

Так, эволюция мира заключалась в дифференциации бессвязной и однородной туманной материи на части — звездные системы — и в сплочении ее в планеты, звезды и в солнечные системы. Эволюция животного и растительного мира заключалась в дифференциации бессвязной и неопределенной протоплазмы на части и в интеграции этих частей в организмы. Чем выше организм, тем он дифференцированнее и тем больше сплочения и единства между его частями. То же происходит и в социальной жизни. Чем выше общества, тем менее они похожи друг на друга. Итак, первое проявление закона освобождения и роста личности — это появление и рост ее индивидуальности.

Освобождение личности из-под опеки и уз власти и социальных групп

Выше была очерчена абсолютная подопечность личности в древнем обществе. О свободе ее здесь не может быть и речи. Личность, как личность, была связана многочисленными путями опеки власти и надзора: дети были поставлены под опеку родителей, женщины — под опеку мужчин, младшие — под опеку старших, управляемые — под опеку правителей, сами правители — под опеку всей группы и божества.

Коротко говоря, личность здесь была связана множеством опеки, ее сво-

боды и самоопределению не было места. Власть могла с ней делать все, что ей угодно. Сама по себе она не могла иметь никаких, ни личных, ни имущественных прав. Такой факт подопечного состояния личности объясняется общественной необходимостью: подобно тому, как нельзя предоставлять полную свободу неразумным детям и сумасшедшим, ибо они могут злоупотребить ею и причинить вред себе и другим, подобно тому, как дети и сумасшедшие нуждаются в надзоре и опеке, так и в прошлом, когда люди были еще не достаточно социально-воспитаны, когда социально-благожелательное поведение еще не вошло в их плоть и кровь, они нуждались в опеке, в надзоре и власти, которая принудительно заставляла бы их соблюдать необходимый минимум разумного, общественно-полезного поведения. Отсюда, бессознательно-целесообразное появление круговой и всеобщей опеки членов древнего общества.

По мере того, как с ходом времени социально-благожелательные импульсы входят в плоть и кровь людей, как в течение десятилетий и веков в них, благодаря дрессирующему влиянию права, более и более укрепляются социально-благожелательные чувства и поступки, по мере этого — *подопечное состояние личности падает, личность сбрасывает с себя все путы опеки и власти, завоевывает себе свободу и становится свободным человеком.*

Подтверждением этому служат: 1) падение подопечности женщин; 2) падение подопечности детей; 3) падение подопечности управляемых; 4) освобождение личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства.

1) *Падение подопечности женщин.* В древности женщины были совершенно бесправными и отданы были в полную власть и опеку мужа и старших. Последние имели над нею право жизни и смерти. Женщина не имела ни личных, ни имущественных прав.

Исторический ход событий вел к росту ее прав и освобождению личности женщин из-под опеки мужа и старших. В настоящее время права женщины в культурных странах уравнены с правами мужчин, не исключая и прав политических. Кое-где еще есть незначительные различия, но судьба их предрешена: в ближайшее время они обречены на исчезновение. Женщина на протяжении истории превратилась из рабы в полноправную личность и освободилась от связывавшей ее опеки.

2) *Падение подопечности детей.* Все сказанное о женщине применимо и к детям. Как и женщины, в древности они не были субъектами прав: ни личных, ни имущественных. Родители и старшие имели над ними власть жизни и смерти.

Исторический прогресс сказался в том, что дети освободились от опеки, права их стали равными с правами родителей. На сцене истории бесправных детей заменила личность полноправного гражданина, обладающего и личными и имущественными правомочиями с первых дней своего рождения.

3) *Падение подопечности управляемых.* Сказанное применимо и к той массе, составляющей население государства, которая носит название народа, подданных, «управляемых». Раньше они были отданы под опеку и во власть управляющих. Каждая единица из этой группы в древности была отдана в полное рас-

поряжение власти. И сама власть в отношении управляемых выступала как неограниченный господин и повелитель. В деспотических монархиях «управляемые» оцениваются как «псы». Между правителями и управляемыми — целевая пропасть.

С ходом истории эта пропасть уменьшалась и в настоящее время почти исчезла. Управляемые сбросили с себя опеку управляющих. Власть из «господствующей» превратилась в *социально-служебную, в приказчика, в исполнителя воли управляемых.* Подлинным сувереном и властелином государства стал сам народ, а не стоящая над ним власть. Управление заменилось самоуправлением (земским, городским и государственным).

Короче, опека власти исчезла. Управляемые из «бесправных псов» стали самоуправляющимися полноправными личностями. Личность, таким образом, освободилась и продолжает освобождаться из-под опеки власти.

4) *Освобождение личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства.*

Образно освобождение личности может быть представлено в виде человека, идущего вперед и по пути рвущего одну цепь за другою, которою он был прикреплен и связан в древности. Эти путы были в прошлом весьма многочисленны.

А) Личность была не только опекаема, но и прикреплена, прикована к ряду институтов: во-первых, к касте, человек, родившийся членом определенной касты, и сам и все его потомки навеки были прикованы к ней, выйти из нее они не могли, права и обязанности касты были для них обязательны.

Но с ходом истории касты пали, личность разорвала узы касты и освободила себя от ее опеки.

В) Касты сменились *сословиями*. Но человек с течением времени избавил себя и от сословного плена. Сословия пали. Опека их была сброшена.

С) На смену сословному обществу пришло *классовое* общество. В наши дни мы видим борьбу личности против классовых пут и классового подчинения. Проявлениями ее служат: кровавые революции, стачки и забастовки, парламентская борьба и митинги, полемика устная и письменная. Можно ли сомневаться в том, что и классовые цепи будут разорваны самоосвобождающейся личностью. Мы сами наблюдаем, как мало-помалу они неуклонно и неизбежно подтачиваются и слабеют. На смену *классовому человеку идет надклассовая, полноправная личность, на смену классовому праву идет надклассовое право*. Личность сбрасывает с себя и эти путы.

Д) То же следует сказать и об *опеке церкви*. Древность не допускала свободы вероисповеданий и религиозных убеждений. Человек был прикреплен к религии. Всякая попытка освободиться от принудительных форм верования и опеки церкви влекла за собой беспощадное наказание. С ходом истории такой порядок вещей заменился противоположным: нормой стала *свобода религии и религиозных убеждений, личность сбросила с себя цепи и опеку церкви и завоевала себе право верить как угодно, принадлежать к какой угодно религии или не принадлежать ни к какой*.

Е) Сходный процесс наблюдаем мы и в *отношениях личности к семье*. Раньше, как указано выше, личность была

поставлена под опеку семьи. Выйти из-под нее она не могла. Дети опекались родителями, женщины — мужчинами, все члены — главой семейства. Связь родителей с детьми была принудительной, связь мужа с женой — также, формы брака — обязательны, развод недопустим.

На протяжении истории и в этой области произошли громадные изменения, сводившиеся к освобождению личности от принудительных связей семьи. Женщина освободилась из-под опеки мужа, дети — также. Власть родителей над ними дошла до минимума. В совершенном государстве (в Англии и Америке) и этот минимум родительской власти остается лишь в том случае, если родительская опека стоит на высоте и удовлетворяет определенным разумным условиям. В противном случае государство и общество берут ребенка из-под родительской опеки и власти. Точно так же ослабляется и принудительная связь родителей и детей, мужа с женой. Современное семейное законодательство увеличивает свободу развода и предоставляет супругам возможность разорвать мучительную для них принудительную связь. Короче, и здесь принудительная связь заменяется добровольной. И здесь личность уничтожает те формы семьи и брака, которые связывают ее — с одной стороны, с другой — перестали быть общественно-полезными. Ко многим формам самоопределения наше время присоединило добавочную: «*семейное самоопределение личности*».

Ф) Наконец, наше время свидетельствует и о начавшемся освобождении личности от принудительных пут государства. Эта борьба началась уже давно,

и в этой битве личность уже сделала ряд завоеваний: завоевание личностью свободы от опеки государственной власти и превращение самой государственной власти в право и достоинство всего народа. Дальнейшим завоеванием личности в этой среде является завоевание так называемых неотъемлемых прав человека и гражданина: неприкосновенности личности, свободы слова, печати, религии и т. д., право контроля за действием власти государства и целого ряда других прав личности. Таких прав личности древность не знала. И такие неотъемлемые права личности с ходом истории все растут, но в настоящее время мы наблюдаем большее: стремление порвать с государственным делением человечества и перейти к сверх государственным формам общества, сначала в форме создания единой, мировой республики. Эта тенденция является продолжением исторического закона — роста замкнутых, солидарных кругов или закона «расширения идеи ближнего». Едва ли позволительно сомневаться в наличии такой тенденции. Хотя и медленно, но человечество, несомненно, идет к созданию единой мировой федерации, где личность будет истинным гражданином мира, где не будет ни вертикальных государственных перегородок, ни горизонтальных классовых подразделений. Этот предел общественного развития человечества будет поистине слиянием в одно целое интересов личности, интересов всего человечества. То и другое будет неразрывно связано и согласовано между собою. Интерес личности будет означать интерес всего человечества и обратно.

Таков тот конечный итог, который ждет человечество в результате

победы личности над государством. Само собой разумеется, что он наступит не скоро. Государство теперь еще не изжито. Полное его разрушение теперь причинило бы скорее вред, чем пользу. Но по мере правового прогресса человечества государство будет отмирать и заменяться более широкими формами общественных соединений. Пусть медленно, но и в этой сфере личность освобождает себя от стесняющих ее развитие форм опеки. Все сказанное достаточно убедительно подтверждает факты освобождения личности и превращения ее в высшую социальную ценность. На заре истории личность была ничем, теперь она становится мерой всех вещей.

Все для нее превращается в средство. Только та политическая организация общества, только то право, та религия, та семья, та экономическая и социальная организация общества имеют будущее, которые не противостоят интересам личности и благоприятствуют ее всестороннему развитию. Конечно, этот процесс еще не завершен и далек от своего предела. Много еще осталось пережитков прошлого, связывающих личность. Но в силу постоянства тенденции эти пережитки обречены на вымирание.

Таким образом, личность на протяжении истории вышла и выходит победительницей из борьбы со всеми своими противниками.

Таковы основные исторические факты, подтверждающие закон освобождения личности и роста ее общественной ценности.

Таково первое свидетельство правового прогресса человечества — приближения его к идеальному общественному состоянию.

§ 5. Исторический закон роста правового равенства людей

Вторым критерием правового прогресса человечества является закон роста морально-правового равенства личности. Только равноправные личности могут быть полноправными и самоценными. Вот почему процесс освобождения личности должен был сопровождаться процессом уравнивания личности, иначе процессом правового равенства людей.

Проявления уравнивательной тенденции

Такая тенденция действительно дана в истории. Она проявилась и проявляется: 1) в уравнивании *прав детей с правами родителей, прав женщин с правами мужчин, прав рабов с правами господ; прав членов низших каст, сословий и классов с правами членов высших каст, слоев и классов*, то есть в уничтожении кастового, сословного и классового деления общества. Наконец, та же тенденция уравнивания проявляется в уничтожении *национальных, религиозных и государственных привилегий*. Короче, социальная жизнь с разных сторон и разными путями с ходом истории уничтожает правовое неравенство и стремится к пределу: к *полному правовому равенству одной личности другой*. Конечно, этот предел еще не достигнут, процесс уравнивания еще не завершен, но нет сомнения в том, что многое уже в этом отношении сделано, и что колесо истории продолжает вертеться именно в сторону уравнивания.

Уравнивание полов, родителей и детей очерчено выше. Здесь подробнее остановимся на уничтожении кастового, сословного и отчасти классового неравенства.

Неравенство первобытного общества

В древнем обществе неравенство достигало громадных размеров. Оно выражалось в немногочисленных, но резких формах. Прежде всего, было резкое неравенство полов. Женская половина человеческого рода там была поставлена в положение полного бесправия. Затем было неравенство по возрасту. Самыми полноправными здесь были старики, как носители опыта, как более умные. Что же касается детей, то они были абсолютно бесправны. Родитель имел над ними право жизни и смерти. Дети были вещью (*res*), а не персонами (*persona*). Полноправнее, чем дети, были зрелые, но и права их были уравнены с правами стариков. Рядом с этими видами неравенства выступали и другие его признаки: вождь был выше обыкновенного человека, чародей тоже выше других. Отсюда следует, что равенства в древнем обществе не было и не могло быть.

Кастовое неравенство

Дальше мы находим *кастовое общество*. Это такое общество, где неравенство бьет резко, определено. Кастовое общество распадается на целый ряд мелко кастовых делений, освященных религией и правом. Переход из касты в касту здесь решительно недопустим. Эти кастовые деления были многочисленны и разнообразны. Обычно, на основании «Законов Ману», думают, что у индусов были только четыре касты: каста браминов, каста военная (кшатриев), каста земледельцев и торговцев и, наконец, каста бесправных судр. Но при детальном изучении оказывается, что там не четыре касты, а бесконечное множество каст; например, есть каста носителей воды из

источника А, другая каста — носителей воды из источников В, С и т. д. Каждый человек и все его потомки навеки были прикреплены к своей касте и выйти из нее не могли. Неравенство там доходило до грандиозных размеров.

Сословное неравенство

Но кастовые общества пали и на смену им пришли *сословные общества*. И здесь неравенство продолжает существовать, но оно более мягко, оно не так абсолютно прикрепляет человека к своему сословию. У нас, например, с получением определенного чина или за услуги государству возможен был переход из крестьянства в дворянство. В сословном обществе перегородки не так абсолютны.

Но прошли века, пало и сословное неравенство. Ночь 4 августа 1789 г., когда французское дворянство принуждено было отказаться от своих привилегий, была тем пограничным столбом, который впервые положил конец сословному делению общества. Сословная дифференциация исчезла. Она осталась только в отсталых государствах, как, например, в России, а теперь исчезла и у нас. Таким образом, в истории мы видим постепенный процесс уравнивания, процесс уничтожения и ослабления общественного неравенства.

Классовое неравенство

В данный момент юридического неравенства почти нет; есть неравенство *классовое, но не юридическое, не религиозное*. В силу этого и говорят теперь, что наше общество есть общество демократическое, построенное на равенстве всех перед законом и судом.

Смена каст сословиями и сословий классами — прямое свидетельство ра-

стущего правового уравнивания. В настоящее время мы живем в периоде борьбы за уничтожение классового неравенства. Борьба с ним — основной принцип социализма. Может быть, она протянется долго, но едва ли можно сомневаться в ее успехе.

Падение национального и религиозного неравенства

Параллельно с этим происходит и уравнивание национальностей, религий и прав граждан различных государств. Неравенство, связанное с религией, в культурных государствах уже изжито. Падает и неравенство прав, связанное с национальностью. Наше время особенно резко провозгласило принцип национального равноправия и права каждой нации на самоопределение.

Так, различными путями правовое неравенство умирает и заменяется принципом равенства прав одной личности с другой.

§ 6. Исторический закон количественного роста социальной солидарности (закон расширения социально-замкнутых кругов)

Третьим критерием правового прогресса человечества был указан критерий количественного роста альтруизма, то есть увеличения числа тех лиц, по адресу коих требуется социально-благожелательное поведение.

В поступательном ходе истории такая тенденция, несомненно, наблюдается: чем ближе к нашему времени, тем большим становится число лиц, по адресу коих требуется альтруистическое поведение.

Обязательный минимум доброго поведения от дикаря требовался лишь по адресу членов своей группы. Лица же, не принадлежащие к своей группе, считались одновременно и чужими и врагами (латинское *hostis* значит чужеземец и враг), с которыми можно было делать все, что угодно. На первых порах убийство чужаков считалось поступком не только дозволенным, но и позволенным. Число же членов первичных групп, по вычислению Сутерланда², равнялось в среднем 40 человекам. Значит, от дикаря требовалось доброе поведение лишь по адресу 40–60 человек, а по адресу остальных он мог делать все, что угодно: убивать, воровать, насиловать и т.д. Чем дальше, тем число этих «своих» все более и более растет, ибо растет объем социально-замиренных кругов. По данным того же Сутерланда, общества средних дикарей насчитывают уже около 150 человек, высших — 360; общества варваров (низших) имеют около 6500 членов, средних варваров — 228 000, высших — 442 000. общества же цивилизованных народов, начиная с союзов в 4 200 000, кончают государствами в 30 000 000 и более человек. Рост этих цифр означает увеличение числа лиц, по адресу которых требуется альтруистически-солидарное поведение. Если прибавить к этому, что фактически, а отчасти юридически, теперь подобное поведение требуется по адресу всех людей, то рост количественного повышения социально-солидарного поведения становится вполне ясным и бесспорным. Область «ближних» разрослась до «бесконечности», область «чужих» — упала чуть не до нуля.

Таким образом, количественный рост альтруизма и солидарности несо-

мненен, следовательно, и этот закон подтверждает правовой прогресс человечества.

§ 7. Исторический закон качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения

Четвертым признаком правового прогресса человечества является качественный рост солидарности и общественно-благожелательного поведения людей друг к другу.

Наблюдается ли таковой процесс в истории? Повышается ли с ходом ее качественно минимум социально-благожелательного отношения людей друг к другу, который требуется правом? Повышаются ли в том отношении сами требования права?

Как ни трудно измерять такие процессы, однако все же приходится ответить на эти вопросы положительно.

Уже очерченное выше количественное увеличение альтруизма является в то же время и качественным. Но и помимо его, ряд явлений говорит о качественном росте солидарности. Требуемый первобытным правом минимум социально-благожелательного поведения был очень невысок: от членов общества требовалось только воздержание от нарушения основных прав личности; им запрещалось убийство, тяжкие телесные повреждения и т.д. Список уголовных преступлений первобытных обществ был не велик и не был проникнут уважением к правам личности. Больше того, даже такие злостные акты, как убийство, и те запрещались не абсолютно, а относительно: при весьма частых усло-

виях и поводах один член мог мстить другому и убить его, его близких и т.д.

Теперь, в общем и целом, право гораздо требовательнее. Каждый член общества в современных государствах обязан ценить и уважать других людей гораздо больше, чем раньше: ему запрещается посягать не только на такие блага личности, как жизнь, телесная невредимость и т. д., но запрещается причинение малейшего психического и материального вреда другому; он не имеет права посягать на жилище и дом другого, не может ему угрожать, не имеет права вводить его в обман и в расходы путем хитрости и уловок, обязан уважать свободу слова, печати, собраний и чужие религиозные убеждения; никто теперь не имеет права лишить человека свободы, нарушить тайну его корреспонденции. Современное право запрещает далее пользоваться слабостью, темнотой, невинностью и незрелостью других; оно защищает слабых от эксплуатации сильных, и т.д. С другой стороны, оно накладывает все растущие обязанности на людей и по проявлению активного альтруизма оно требует от людей оказания помощи лицам в опасном или бедственном положении, принуждает богатых — в виде прогрессивно-подоходного налога и различных форм обложения — отдавать все больший и больший процент доходов в пользу общества и т.д.

Короче, с ходом истории право требует от личностей проявления все большего и большего альтруизма и в пассивной и в активной форме.

Такой процесс, несмотря на его трудную измеримость, совершается в истории и служит новым подтверждением правового прогресса человечества.

§ 8. Исторический закон падения наказаний и наград

Историческая роль наказаний

Пятым критерием правового прогресса человечества является падение наказаний и наград. Вызванные к жизни необходимостью самосохранения группы, кары играли громадную роль в процессе развития человечества: подавляя путем устранения мотивы, толкающие на нарушение запретов, вызывая в других людях чувства негодования, презрения и отвращения к преступнику и тем делая более ощутимой связывающую всех членов общества солидарность, кары, в то же время, действуя продолжительно на поведение человека, воспитывали его самого, искореняли в нем антисоциальные психические импульсы и постепенно приучали его к поведению, требуемому общими морально-правовыми нормами. Если к сказанному прибавить еще то действие кар, которое вело к прямому или косвенному уничтожению и удалению из группы преступников (убийство, смертная казнь и удаление нарушителей запретов), то едва ли можно будет сомневаться в той громадной социальной роли, которую они играли в истории человечества. Не будь их — сомнительной была бы возможность роста человеческой солидарности и даже возможность нравственного прогресса. Они были теми рычагами, которые создавали, поддерживали и расширяли человеческую солидарность, приучая человека ко все более и более социально-полезному поведению. Из сказанного само собою следует, что чем менее человек приспособлен

к социальной жизни, чем более у него импульсов к нарушению обязательных запретов, и чем прочнее эти импульсы, — тем больше должна быть их роль. По мере же того, как социально-полезное поведение растет вглубь и вишь — по мере того их роль должна сокращаться.

Конечно, если бы человек с самого начала своей истории был ангелом, который «по своей природе» способен был бы поступать только социально полезно, то есть согласно обязательным нормам поведения, вырабатываемым бессознательным нормам поведения, вырабатываемым бессознательно самой жизнью, — тогда кары были бы не нужны и излишни. В этом случае они бы даже и не могли появиться. Но ясно, что такое представление о человеке, в особенности же о первобытном человеке, есть миф, несколько не соответствующий действительности: люди начали свою историю не «ангелами», а звероподобными существами.

Выйдя из животного состояния, обладая, с одной стороны, еще чисто зверскими инстинктами, а с другой — уже неся в себе элементы сознания, человек в своем поведении не мог руководиться одними инстинктами, так как они подтачивались разумом. Их сложный и сам по себе стройный механизм, благодаря чересчур быстрому росту разума, был нарушен. Но с другой стороны, и разум не мог встать на место бессознательно-удачного инстинктивного механизма: он был еще слишком слаб, чтобы мог сразу уничтожить многовековые инстинкты и заменить их сознательно выработанными правилами поведения. Таким образом, с самого начала своей истории человек очутился лицом к лицу с труднейшей задачей: жить в обществе себе

подобных, не обладая предварительно выработанными социально-полезными импульсами поведения.

Мудрено ли поэтому, что конфликты взаимного поведения появились, мудрено ли, что внутри внегрупповая борьба, вызываемая нарушением запретов, вспыхнула и на первых порах приняла самые острые и кровавые формы. При таких условиях появление «кар» было неизбежно. Удаляя путем убийства нарушителей запретов, с одной стороны, вызывая чувство единодушного негодования, презрения и морального осуждения среди неуправляемой части группы — с другой, «кары» были тем «клеем», который склеивал и прочнее скреплял узы солидарности, углублял социально-требуемые импульсы поведения и искоренял позывы антисоциального характера. Неисчислимы жертвы, самые ужасные наказания и бесконечные страдания нужны были для того, чтобы приспособить человека к общественному бытию. Пришлось одним «унавоживать» собой дорогу прогресса, чтобы другие могли пройти по этой дороге. Одним словом, нужны были беспощадные кары, чтобы в дальнейшем люди могли жить в обществе себе подобных без всяких кар. По мере того как укреплялись в людях социально-полезные импульсы поведения — по мере того кары, необходимые сначала, должны были исчезать. Фактическое изучение истории кар вполне подтверждает этот закон. *Беспощадные вначале, кары в дальнейшем, по мере все большего и большего приспособления человечества к социальному бытию, постепенно смягчаются, становятся все более и более мягкими и гуманными.*

Наряду с этим падением качественной жестокости кар происходит и коли-

чественное падение их: кары начинают поражать все меньшее и меньшее количество людей. Таким образом, закон падения кар может быть понимаем, как закон и *качественного и количественного* падения наказаний.

Ограничения мести

Такова первая стадия кар, поистине неограниченных по своей интенсивности. Дальнейшая их история показывает *постепенное ограничение этой жестокости, смягчение* или падение мотивированной неумолимости и беспощадности. Это ограничение проявляется в различных формах: например, в форме установления убежищ, куда могли скрываться лица, которым угрожала месть; такими местами были обычно храмы, или особые места, на которые распространялся «королевский мир» и т. д.

Современные наказания

Теперь все эти виды мучительных и увечащих кар исчезли из обихода карательной практики. Только уголовные музеи хранят остатки этой человеческой изобретательности. Мысль законодателя теперь обращена не на то, чтобы причинить преступнику возможно большие страдания, как это было раньше, а на то, как бы избавить его от них. Поэтому неудивительно, что почти единственным видом кары сделалось лишение свободы. Но и сама *история тюрем* наглядно говорит о том же смягчении кар; вместо старых «ям» и «клоповников», на воротах которых, по словам И.Я. Фойницкого, можно было начертить слова отчаяния: «оставьте всякую надежду те, кто сюда входит», мысль современного законодателя все более и более стремится превратить тюрьмы

в больницы или в гостиницы «со всеми удобствами».

Мало того, такие институты, как институт уголовного осуждения и досрочного освобождения, стараются ограничить и самый период лишения свободы и довести, таким образом, кару до возможного минимума.

Если же принять во внимание те реформы, которые назревают в наше время в связи с проблемой борьбы с опасным состоянием, то не будет парадоксом положение, что кары постепенно стремятся дойти до нуля и что современная уголовная наука, а вслед за ней и право, направлены не столько на борьбу с преступником, сколько на защиту преступника от тирании общества.

Резюмирую: и государственная история кар говорит о той же тенденции; она гласит: *от безгранично-жестоких и зверских убийств, от мучительно увечающих кар — к бесстрадательному изолированию преступника от общества, к лишению возможности совершить преступления и к заботе о том, чтобы преступник был избавлен от всяких душевных и физических страданий.*

Такова в широких мазках общая история наказаний и основная тенденция падения их жестокости; жестокость является переменной, стремясь к нулю, как к своему пределу.

Количественное падение наказаний

К тому же выводу придем мы, если рассмотрим кратко *тенденцию постепенного ограничения числа караемых лиц по мере роста культуры и цивилизации.* И эта тенденция является прямым подтверждением выставленного закона падения наказаний.

**§ 9. Исторический закон
улучшения средств, которыми
добывается от людей социально-
благожелательное поведение**

Понятие

Этот закон является шестым доказательством правового прогресса человечества. Сущность его заключается в следующем: если взять области однородного социально-необходимого поведения, то в процессе исторической эволюции обнаружится, что вначале от человека социально-нужное поведение добывается путем грубых приемов, жестоких кар и обильных наград, одним словом, игрой на низменных струнах души. По мере же того, как психика, а вместе с тем и поведение человека улучшается, по мере этого средства, которыми добывается от человека социально-необходимое поведение, становятся все более и более благородным, кары и награды постепенно исчезают и игра начинает вестись на более и более бескорыстных и благородных струнах человеческой души.

**Улучшение средств
побуждения в хозяйственной
сфере поведения**

Прекрасным доказательством выставленного положения в области хозяйственно-экономической жизни служит «закон трех стадий», установленный Л.И. Петражицким³. Согласно этому закону, история в хозяйственно-экономической области поведения, в зависимости от характера побудительных средств, может быть разделена на три эпохи: 1) на рабско-крепостной период; 2) на эпоху экономического либерализма (свобода труда,

свобода конкуренции); 3) на эпоху социалистическую (бескорыстно-общественное поведение). В первую из указанных эпох мотивационным средством добывания от индивида надлежащего хозяйственного поведения служит прямая угроза наказанием. Рабское хозяйство есть хозяйство принудительное. Символом его служит кнут. Чтобы побудить раба к сносному исполнению его функций — необходим был надсмотрщик за его работой, который в случае лени или неисправности реагировал на это ударами кнута и другими карами. Иначе говоря, здесь средство побуждения к труду по качеству то же, которое применяется теперь к домашним животным.

Переходом от этого периода к следующему служит крепостное хозяйство. Средства, которыми право заставляло трудиться при крепостничестве, были двояки: с одной стороны, и здесь налицо карательно-принудительное давление, барщина, оброк, с другой — здесь уже появляется более высокий позыв — позыв хозяйственного самоопределения, работа на себя.

В дальнейшей эволюции хозяйства первичная рабски-принудительная и подневольная мотивация решительно исчезает и мало-помалу заменяется более высокой по качеству мотивацией заинтересовывания людей их же собственными интересами. Этот период есть период капитализма. В эту эпоху социально-полезное поведение от индивида добывается уже не системой непосредственных кар, не путем кнута, а иначе: правовой строй заставляет людей заботиться о себе и своих нуждах. Побуждением здесь являются эгоистические семейные интересы, забота о себе, своей семье, а не кнут.

Право здесь не говорит человеку: «работай, иначе будешь наказан». А говорит: «будешь ли ты работать, ты обеспечишь себя и свою семью. Если не будешь работать, и ты, и твоя семья умрут с голоду, будут нуждаться» и т. д. Это эгоистическое средство побуждения пока достаточно грубо, но все же оно гораздо благороднее и выше, чем кнут, и другие карательные средства.

Наконец, *третий период*, начинающийся осуществляться в наши дни, характеризуется еще более благородной по качеству мотивацией: в этом периоде позывом социально-полезного поведения служит уже не кнут и не игра на эгоистических семейных интересах, а чисто *альтруистические импульсы* — *готовность бескорыстно трудиться на общую пользу*. Наиболее радикальной системой хозяйственного строя, построенного на такой системе мотивации, является строй *социалистический*.

Таков в общих чертах «закон трех стадий» хозяйственной мотивации, проливающий яркий и своеобразный свет на историю хозяйственной жизни человечества. С этой точки зрения становится ясной сложная, запутанная игра «хозяйственных» позывов человека. Из набросанных штрихов видно, что история хозяйственной жизни человечества подтверждает косвенно закон улучшения и облагораживания средств, которыми человек побуждался к социально-благожелательному поведению.

Улучшение средств в области управления и исполнения общественных обязанностей

Тот же закон подтверждается изучением и *публично-правовых* институтов или истории публично-правового поведения

человечества. С точки зрения публично-правовой все население любой социальной группы можно разделить на три категории: *а) на главу группы (государства); в) на лиц, помогающих ему в деле управления; с) на управляемых.*

Историческое изучение средств поведения первых двух категорий опять-таки вполне подтверждает выставленный выше закон улучшения средств, которыми добывалось от человека социально-благожелательное поведение. И в этой сфере вначале мотивом, побуждающим монархов и управителей (чиновничество) добросовестно выполнять требуемые от них общественные функции, были грубые кары и не менее грубые подачки. То же применимо и по адресу управляемых, когда от них требуется добросовестное выполнение социально-необходимой функции. Безличный законодатель, устанавливая такую систему мотивации, как бы говорил каждому: «так как твоя психика еще слишком груба, так как доверять тебе, что ты добросовестно исполнишь требуемые от тебя функции, нельзя, — то вот я устанавливаю систему жестких кар и больших наград; если ты добросовестно исполнишь то, что от тебя требуется — будешь награжден, если плохо будешь исполнять свои обязанности — голова с плеч».

Фактическое изучение общественной жизни отсталых народов, а равно и древних правовых сводов, как нельзя лучше подтверждает сказанное. Кары вначале были чуть ли не единственным средством, путем которого добывалось от индивида, как в частно-хозяйственной, так и в публично-правовой сфере, социально-необходимое поведение. Они угрожали всем, начиная с монар-

хов и кончая простыми смертными. Приведем факты.

Какими средствами в древности побуждались к социально-полезному поведению

а) цари и начальники?

«Начальники, — пишет Пост, — часто подлежат суду своих подчиненных. Король Сенаара, когда этого требовало благо государства, мог быть казнен. Люди государства Бертаг ежегодно подвергают своих королей суду. По свидетельству Хуарроса, в государстве хичесов могли отрешить царя от должности за жестокость и тиранию, в таких случаях его наказывали конфискацией имущества и смертью. Цейлонские кандийцы утверждали, что их — во всем остальном неограниченный — государь может быть вызван на суд последним из своих подданных... в том случае, если он нарушает основные законы государства». Этнография же свидетельствует нам, что низложение королей и вождей, сопровождаемое часто их убийством, в случае плохого исполнения ими своих обязанностей распространено у ряда первобытных народов. История Греции, Рима, Ассирии, Вавилонии и Персии свидетельствует нам о том же. Возведения и низложения тиранов, в роде Пизистратидов в Греции или преемника Сервия Туллия в Риме, Сарданапала и т. д. — явления нередкие в древности. Воспоминания о таком же карательном давлении на королей сохранились и в ряде других государств. По мнению многих историков, в Египте был обычай, согласно которому после смерти короля созывалось собрание для решения вопроса, достойно ли он правил. «Публичное обвинение было правом каждого гражда-

нина, и, если король был признан виновным в злоупотреблении, он был лишен погребения». В удельно-вечевой период и наша история пестрит фактами убийства и изгнания князей. В Индии, при воцарении раджи, раджа был по обычаю подвергаем ряду ударов кнутом — обычай достаточно красноречиво подтверждающий сказанное. Если от этих данных обратиться к древним сводам, в роде «Законов Ману», Библии и т. д., то там не трудно найти ту же мотивацию в весьма ясной формулировке.

«Царь, который, вследствие помрачения, безрассудно притесняет своих подданных, — читаем мы в «Законах Ману, — в скором времени вместе с своими родственниками лишается царства и жизни», или «царь, который не сохраняет народа... идет по смерти немедленно в ад». В Библии мы постоянно встречаем подобные же угрозы царю за его нечестие и дурное правление. Такова была мотивация поведения царей, побуждавшая их к добросовестному исполнению своих обязанностей.

в) Подчиненные и частные люди

Если так обстояло дело по отношению к начальникам и царям, то заранее можно предвидеть, что и от других лиц, стоящих на более низких ступенях общественной лестницы, социально-нужное поведение добывалось путем тех же кар и наград. Приведу для примера образцы из «Закона Гаммураби» и «Законов Ману».

Теперь, например, закон «доверяет» и докторам, и архитекторам, и правителям, и свидетелям на суде и даже самим подсудимым; он не обещает им поштучной платы и не грозит им карами за неудачу. Современная система побужде-

ния граждан к добросовестному исполнению их общественных обязанностей покоится на более возвышенных мотивах: на доверии к индивидам, на убеждении в том, что тот или иной индивид добросовестно выполнит свою обязанность в силу сознания своего морального долга. Поэтому она почти лишена карательных суррогатов. Царь получает строго фиксированное содержание, определенное цивильным листом. Чиновники — таксированное жалование, как общее правило, не имеющее ничего общего с поштучными наградами или с моментальными карами. Система мотивации резко изменилась и покоится на более высоких мотивах, чем раньше. Иначе было в прошлом. Здесь нельзя было полагаться на «совесть», а нужно было добавочное, более грубое давление, чтобы вынудить у индивида требуемое поведение. Отсюда — ряд характерных явлений, как в публично-правовой, так и в хозяйственной сфере поведения.

В последней, как уже выше было указано, кнут и удары были символами мотивации, применявшейся в этом начальном периоде. «Молодой человек имеет спину и слушает того, кто его бьет»; «Слух (послушание) молодого человека на его спине», — красноречиво формулирует указанный характер мотивации папирус Аназата. Когда кто-нибудь ленится работать, надсмотрщик бил его и обычно говорил: «Есть некто позади тебя». То же мы видим и в других сферах поведения.

«Если доктор лечил тяжело раненого и... человек этот умер — пусть ему отрежут руку». «Если доктор открыл бельмо... и испортил глаз — пусть ему отрежут руку». «Если архитектор построил

дом... и если построенный дом развалился и убил хозяина..., этот архитектор присуждается к смерти». «Если убит сын хозяина — пусть убьют сына архитектора». Эти статьи закона Гаммураби не требуют комментариев.

Аналогичные же статьи рассыпаны, например, и по всему кодексу Ману. «Все врачи, — читаем мы там, — которые худо обращаются со своими пациентами, должны заплатить штраф, по отношению к животным первый, или низший, по отношению к людям — высший».

«Царь должен заставить разрезать на части бритвами золотых дел мастера, поступающего нечестно, самого вредного из всех терниеи».

«Ткач, получивший десять пала нитей, должен возратить ткань по весу одной пала больше; тот, кто делает иначе, должен быть принужден выплатить штраф в двенадцать пан (единица монеты)». «Если повозка опрокидывается от неумения кучера, хозяин должен быть присужден к штрафу в 200 пан. Если кучер умелый, но небрежный, он один должен быть оштрафован» и т. д. Раскройте Библию или Авесту или Коран — и вы увидите всюду здесь ту же мотивацию, красной нитью проходящую через все эти кодексы. «Если не будешь слушать гласа Господня, Бога твоего, не будешь исполнять заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя. Проклят ты будешь в городе и проклят ты будешь на поле. Прокляты будут житницы твои и кладовые твои... Пошлет Господь на тебя моровую язву, доколе не истребит Он тебя с земли, в которую ты идешь, чтобы владеть ею. Поразит тебя Господь мезью,

горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною.... И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям и не будет отгоняющего их» и т. д. Такая мотивация проходит через всю Библию. То же мы видим в Ведах, в Авесте и в Коране.

Формулой, весьма ярко определяющей характер мотивации всех древних сводов, могут служить следующие стихи свода Ману: «Для царя Владыка некогда создал своего собственного сына, *Наказание*, защитника всех творений... Страха его ради все созданные существа, движимые и недвижимые, исполняют то, что им свойственно, и не уклоняются от своих обязанностей. Только наказание правит всеми созданными существами, только наказание охраняет их, наказание бодрствует над ними, когда они спят; мудрые считают наказание (тождественным) с законом». «Если бы царь не налагал энергично наказания на тех, которые заслуживают наказания, то сильнейшие испекли бы слабейших, как рыбу, на вертеле; ворона стала бы клевать жертвенный пирог, а собака стала бы лизать жертвенные снеди, и не осталось бы ни у кого собственности, низшие захватили бы места высших; наказанием весь мир держится в порядке, ибо трудно найти человека безвинного: из страха наказания весь мир предается свойственным ему занятиям» и т. д.

Тот же вывод дает рассмотрение религиозной мотивации поведения всех первобытных народов. И здесь все приказы и запреты, относящиеся к поведению, построены всецело на чисто карательной мотивации. Спенсер вполне прав, когда говорит, что для того, чтобы добыть от дикаря нужное поведение,

к страху наказания, исходящего от живых, необходимо должно было присоединиться еще устрашение наказаниями со стороны мертвых предков или других божеств. Этим и объясняется та громадная и исключительная роль, которую играют поту- и посюсторонние кары во всех примитивных религиозных верованиях, как регуляторов поведения. «Мы должны признать в страхе перед мертвыми такой общественный фактор, который вначале играет не менее важную роль, чем страх перед живыми, если только его роль на самом деле еще не важнее».

Если теперь взять отдельные виды социальных отношений, то мы увидим то же самое. Для того, чтобы заставить человека, например, выплачивать свой долг, закон теперь не применяет к нему суровых карательных мер. Он «доверяет» должнику. Иначе было в прошлом. Л.И. Петражицкий для примера указывает на долговое право XII таблиц Рима, которое вначале угрожало неисправному должнику наказанием весьма чувствительным, а именно — расчленением должника на части.

Потом карательное давление стало мягче: оно довольствовалось угрозой личной свободе (продажа в рабство), потом имущественными наказаниями (например, присуждением неисправного должника к уплате двойной суммы долга) и, наконец, оно довольствуется простым принуждением должника возместить убытки. Аналогичную же картину мы видим и у древних первобытных народов. У индусов, например, кара за неплатеж долга известна под именем «дарна». «Существует несколько видов ее. В одном случае заимодавец заклинает должника стоять на каком-либо

одном месте, воздерживаться от пищи и питья, пока он не уплатит долгов». В другом случае — должник с семьей отдается «на поток и разграбление». На Цейлоне должнику накладывали на спину большой камень, который он должен был носить до тех пор, пока не уплатит долга. Если он упорствовал, — тяжесть камней еще более увеличивали. У ряда народов на западном берегу Декана кредитор мог убить неисправного должника, у других — должника подвергали битью палками, у третьих — продавали в рабство.

По мере того как поведение должника все более улучшалось — смягчалось и давление кар, и мотивация поведения переходила с низших струн на высшие. Такое же явление мы встречаем и в сфере уголовного процесса.

Раньше, чтобы добыть от свидетеля или подсудимого надлежащее поведение — безличный законодатель угрожал им суровыми пытками, истязаниями, карой Божией, или карой предков. Отсюда — обычай пыток при допросах, клятвы именем Бога, ордалии, испытания огнем и водой и т. д., которым подвергались не только обвиняемые, но нередко и свидетели. Не заходя далеко вперед, для примера достаточно привести хотя бы такое положение из дополнительного указа к Судебнику Ивана Грозного от 21 августа 1556 г.: «А которые люди в обысках в одном деле двои речи говорят, и из тех людей, из ста человек, выбрав лутчих, людей, приказчиков и крестьян пяти или шести бити кнутъем, а Игумнов и попов, и дьяконов отсылати к святителю». За ложь боярам и дьякам грозит «великая государева опала, а людям их и крестьянам бытии казненными, как и в разбойных делах»;

если старосты будут поступать «не по Государеву указу», «ино старость казнити без милости».

Вообще говоря, какую бы сферу поведения мы ни взяли — всюду в древности способы добывания социально-нужного поведения покоятся на беспощадной карательной мотивации. По мере того, как психика людей улучшается и социально-полезные акты начинают выполняться все легче и лучше — по мере этого изменяется и система мотивации, переходя с низших струн на высшие и сопровождаясь постепенным исчезновением карательного давления.

Таков в общих чертах шестой закон прогрессивной эволюции права, находящий подтверждение в области истории и хозяйственного и публичного поведения.

§ 10. Закон частичного колебания постоянных исторических тенденций

В предыдущем мы старались очерчивать те постоянные исторические тенденции, которые являются наиболее важными в истории развития права. Хотя эти тенденции и постоянны, отсюда, однако, не следует, что они прямолинейны и прогресс непрерывен. Если уже графически их изображать, то все более верной линией будет ломаная линия, либо непрерывно нисходящая (в применении к закону падения наказаний), либо непрерывно восходящая (по отношению к закону облагораживания средств побуждения). Это значит, что эти постоянные тенденции испытывают временные колебания, понижения и повышения. Такой факт может с первого взгляда вызвать известное недоверие и к самим

тенденциям; поэтому, раз исследователь настаивает на их постоянстве, он должен объяснить и эти колебания, показав, что и они, в свою очередь, подчиняются известной закономерности, своего рода закону, не отрицающему, но напротив, подтверждающему выставленные эволюционные законы. Можно дать общую формулу подобных колебаний. Эта формула будет гласить: *всякий раз, когда в единой социальной группе при прочих равных условиях, в силу тех или иных причин, увеличивается морально-правовой антагонизм (морально-правовые противоречия) между различными частями группы, должно замечаться временное отступление от очерченных исторических тенденций: освобождение и уравнивание личности временно задерживается, кары повышаются, облагораживание средств останавливается; когда этот антагонизм (противоречие) уменьшается, отступление от тенденций прекращается: освобождение уравнивания личностей растет, кары падают, и средства побуждения продолжают улучшаться. Проиллюстрируем этот закон на частном законе колебания кар.*

Закон колебания кар

Кары, как мы видели, одно из средств добывания от индивида социально-полезного поведения, иначе говоря, их роль заключается в поддержании обязательных норм поведения, диктуемых моральной совестью группы в целях ее самосохранения. Это значит, что наказание есть средство установления и поддержания социальной солидарности. Если эта солидарность идеальная, если в группе нет никаких нарушений норм поведения, то есть, если моральное сознание и соответствующее ему поведение во всей группе одинаково, — то ка-

рам нет места. Если же, наоборот, один считает «долгом» защищать собственность, а другой считает собственность кражей, если один считает «долгом» убивать других, а другой всякое убийство считает преступлением, если один считает предпринимательскую прибыль капиталиста безнравственной, а другой (капиталист) считает требования рабочих о повышении заработной платы — злом, то есть, если моральное сознание группы разнородно, антагонистично, то ясно, что здесь «мирного согласия» ждать не приходится. Неизбежен конфликт (столкновение) поведений, взаимная борьба, а тем самым и наказание. И чем глубже и острее будет антагонизм, тем острее и жестче будут наказания, как средства предохранения группы от распада и гибели. Этим именно и объясняются эпизодические, временные колебания количественные и качественные жестокости кар.

Фактов, подтверждающих это обобщение, слишком много. Приведу некоторые. Прямым подтверждением сказанного служит всем известный факт повышения кривой кар во время общественных переломов и революций. Всякая революция по существу есть не что иное, как острый период морального антагонизма двух миров: старого и нового режима. Отсюда: чрезвычайные и военные положения, отмена гарантий свободы, приостановка *habeas corpus*'а (хартии вольностей) и военные суды, скоро и щедро расточающие смертные приговоры. Меч кар становится острее. Работа палача растет. Тюрьмы переполняются. Люди с той и другой стороны расстреливаются группами и по одиночке, начинают грохотать во всю залпы карательных отрядов и баррикадных

дружин и т. д. Линия кар с той и другой стороны делает резкий прыжок вверх. Этот факт всем известен. Для большей убедительности приведу пару цифровых иллюстраций. Проф. Гарсон заметил, что во Франции число смертных приговоров при каждом новом политическом режиме больше в первые годы, нежели позднее. Консульство дебютирует с 605 смертными приговорами (1803), а в 1813 г. их 325, то есть меньше вдвое; реставрация начинается в 1816 г. с 514 приговоров и кончается 91, июльская монархия начинается в 1831 г. с 108 приговорами и кончается в 1847 г. с 65; в период империи в 1854 г. было 79 приговоров, в 1870 г. — 11. Второй пример. В России за конец XIX и начало XX в. цифры показывают такое число казненных:

В пятилетие с 1875 по 1880 г. всего казнено 119.

1881–1885: 71

1886–1890: 76

1891–1896: 47

1896–1900: 78

1901–1905: 93.

Далее цифры делают громадный скачок вверх; в течение одного 1906 г. казнено 547.

1907 г. — 1139

1908 г. — 1340.

Затем снова идет падение: 1909 г. казнено 717.

1910 г. — 129

1911 г. — 73

1912 г. — 126

Еще более яркое доказательство дает русская революция 1917 г. Громадный морально-правовой антагонизм двух миров: большевиков и их приспешников, с одной стороны, и их противников — с другой, заливший кровью всю Россию. Гражданская война, индивидуальные

и массовые расстрелы и др. кары возросли до небывалого множества. Таково первое подтверждение указанного закона. В силу тех же причин мы должны ожидать подъема кривой кар и тогда, когда, например, какое-нибудь государство быстро расширяется (путем завоеваний), включая в себя ряд союзов народностей с различными обычаями, правом и бытом; чтобы не дать рассыпаться этой наскоро сколоченной государственной хранине, рычаг кары должен сильнее работать и «склеивать» рассыпающиеся и взаимно отталкивающиеся части государства. Этим именно и объясняется факт подъема жесткости кар в Риме, в конце императорского периода, когда Рим включал в себя множество народностей с различной культурой и моралью — с одной стороны, и когда внутри его особенно резко проявился моральный антагонизм между различными классами и религиями — с другой. Чаще и чаще совершались восстания отдельных покоренных народов, извне все сильнее и сильнее угрожали варвары, внутри христианство завязало острую борьбу с язычеством, число мятежных групп в роде «багаудов» все более и более росло — в итоге немудрено, что рычаг кар принужден был давить сильнее и сильнее. То же должно было быть и в начале средних веков, в эпоху перенаселения и взаимостолкновения множества различных народностей, соединявшихся в общие политические тела и сразу же распадавшихся вновь. Эти быстрые, наскоро «сшитые» империи и королевства, в роде меровинго-каролингской империи, могли существовать лишь при давлении кар, отсюда их рост в эту и последующие эпохи. И в нашей истории процесс «собираения русской земли» и под-

держания единства «объединенной» Руси сопровождался тем же подъемом кривой кар (покорение и усмирение Новгорода, Пскова и др. городов при Иване III и IV, опричнина, массовые казни, жестокость «Судебников» и т. д.).

По мере того как установление однородности моральных норм и поведения растет, кривая кар постепенно падает. Другими словами, временные повышения кривой кар вызываются неуклонной динамикой социальной жизни, самопроизвольно ведущей человечество на большие высоты социально-солидарного общения. Внешним выражением этого прогресса служит очерченный выше закон расширения области «ближних». Поэтому в моменты, когда это расширение области «ближних» совершается особенно интенсивно, когда к индивиду предъявляются новые и высшие требования социально-необходимого поведения, — рычаг наказаний должен временно усилить свое давление, чтобы добыть от индивида повышенный минимум солидарного поведения. По мере того, как индивиды приспособляются к новым условиям — жестокость кар постепенно падает.

Все сказанное о законе колебания наказаний с соответственными изменениями применимо и к другим историческим законам, очерченным здесь. Таковы основные эмпирические законы, обнаруживающиеся в развитии права и подтверждающие правовой прогресс человечества.

§ 11. Будущее право

В предыдущем мы очертили основные исторические законы развития права.

Эти законы подтверждали существование правового прогресса человечества.

Спрашивается: *каков же конечный предел развития права?* Таким пределом мы должны считать *уничтожение самого права*, преодоление его и превращение его из «обязательно-принудительной» нормы в норму свободную, органически присущую самому человеку. Право, как мы видели, вызвано было неприспособленностью человека к солидарно-благожелательному поведению. Эта неприспособленность, — с одной стороны, и необходимость жить в обществе, — с другой сделали неизбежным появление обязательных норм поведения, со всеми их принудительно-карательными принадлежностями, чтобы возможна была совместная жизнь людей. Право, иными словами, появилось благодаря социальному несовершенству людей, благодаря отсутствию у них необходимых для общественной жизни солидарности и взаимного благожелательства. Оно было той принудительной силой, которая создавала, поддерживала и укрепляла общественный порядок, удерживала людей от проявления злых и враждебных стремлений по отношению друг к другу и приучала их к взаимной солидарности и взаимопомощи.

Подобно тому, как дрессировщик хищных зверей, путем принуждения и наказаний, заставляет последних воздерживаться от хищных нападений на себя, на других людей и животных, так и право, на протяжении всей истории человечества, дрессировало людей, искореняя в них зверские, хищно эгоистические привычки и склонности, — с одной стороны, вкореняя и укрепляя чувства солидарности, взаимного альтруизма и благожелательности — с другой.

Эта правовая дрессировка тянулась веками, продолжается и по сей день. Чем грубее были люди, чем они менее приспособлены были к социальной жизни, тем грубее было и право, тем беспощаднее были его принудительно-карательные меры. История говорит нам, что эта дрессировка дорого обошлась человечеству. За нее оно заплатило миллионами жертв и платит до сих пор.

По мере того, как люди становились лучше, делались более социально-воспитанными, менее хищными и более солидарными, смягчалось и право: оно становилось более благородным и его принудительные меры более мягкими.

Очерченные выше законы развития наказаний единогласно говорят нам, что продолжительная правовая дрессировка достигла и достигает своей цели: человечество становится более лучшим, более солидарным, более альтруистичным и более приспособленным к гармоничной общественной жизни. Мы видели, что на этом пути оно прошло уже длинную дорогу и достигло громадных успехов. Постоянство исторических тенденций делает вероятным, что и в будущем правовой прогресс человечества будет продолжаться.

Концом или пределом его должна быть *полная приспособленность человека к общественной жизни, т.е. полная солидарность людей друг с другом, максимум взаимной любви и благожелательности в их взаимных отношениях, иначе — общественное состояние, в котором «человек для человека будет богом».*

При таких условиях всякое принудительное начало права будет излишним. Ненужным и даже вредным будет всякий «долг», внешне навязываемый, раз солидарность и взаимная любовь вой-

дут в плоть и кровь человека, раз они будут органически свойственными ему. Для того, чтобы голодный ел, не нужно никакого принуждения: он сам будет есть здоровую пищу с удовольствием.

Точно так же и человек, которому органически свойственны будут любовь к другим и солидарность, не будет нуждаться ни в каком внешнем «долге», ни в каком «обязывании», ни в каком принуждении, чтобы поступать солидарно со всеми и никому не вредить.

Следовательно, для такого человека право, как «обязывающая» сила, — с одной стороны, как принудительная, с другой — будет излишним. Сделавшись излишним — оно должно будет исчезнуть.

Вот почему пределом развития права является упразднение права.

Вот почему верно положение: право нужно было для того, чтобы уничтожить право и сделать его излишним.

Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, стоящий выше права, не знающий извне навязываемого «долга» и «обязанности», полный действенной любви к сочеловекам, — таков предел, к которому ведет история человечества.

Мы еще далеки от этого предела. Право для современного человечества еще не изжито. Его воспитательная роль еще необходима. Задача каждого — содействовать приближению указанного предела истории человечества.

Примечания

1. «Жизнь Тимона Афинского» (The Life of Timon of Athens) — пьеса Шекспира о легендарном афинском

мизантропе Тимоне. Обычно считается одним из самых сложных произведений Шекспира.

2. Сутерланд А., англ. ученый, автор работы «Происхождение и развитие нравственного инстинкта» (Санкт-Петербург, 1900 г., изд. Ф. Павленкова).
3. Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) — русский юрист, выдающийся теоретик права в России. Воспитанник Киевского университета и семинарии, учрежденной в Берлине с целью приготовления профессоров римского права для России. После защиты диссертации (1897) занимал кафедру

философии права в Петербургском университете. Был одним из руководителей кадетской партии, депутатом I Государственной думы. После Октябрьской революции эмигрировал в Польшу, до конца жизни возглавлял кафедру социологии Варшавского университета. Идеи Петражицкого оказали в 1920–1930-е гг. определенное влияние на юридическую и социологическую мысль Европы и США; приват-доцент Петербургского университета по кафедре энциклопедии и философии права.